

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЪЯСНЯЕТСЯ СИНЕРГИЕЙ ХАОСА, ГЕОПОЛИТИКОЙ И КУЛЬТУРОЙ: К ДИСКУССИИ С У. УОЛФОРТОМ

Б.Ф. Мартынов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Автор статьи в формате дискуссии с У. Уолфортом предлагает альтернативный ответ на ключевой вопрос науки о международных отношениях – почему люди регулярно прибегают к такому саморазрушительному способу решения конфликтов, как война. Текущее обострение отношений между Россией и Западом, по мнению автора, позволяет по-новому ответить на этот вечный вопрос. С помощью исторических примеров и логических размышлений автор доказывает, что в международных отношениях правит не столько структурная анархия, сколько «природно-стихийное начало», которое не зависит от воли людей и проявляется в событиях, кажущихся случайными и иррациональными. Рационально познать это начало можно, изучая влияние классической геополитики и культурно-цивилизационной динамики (особенно правовой культуры) на международные отношения. Именно эти аспекты, по мнению автора, объясняют и холодную войну, и её текущее «второе издание». Учёт цивилизационно-культурных, исторических, лингвистических и правовых особенностей акторов становится залогом адекватного понимания международной реальности. Следует также отметить, что культурно-цивилизационные особенности влияют не только на практику международных отношений, но и на подходы к их изучению. Так, по мнению автора, теория политического реализма в России была переосмыслена в свете максимы: «Не в силе Бог, а в правде». Важной категорией российского реализма является «справедливость». Таким образом, ответ на поставленный вопрос можно сформулировать следующим образом: государства вынуждены иногда воевать друг с другом в силу геополитических противоречий, осложнённых культурно-цивилизационными различиями.

Ключевые слова: реализм, холодная война, геополитика, культура, «природно-стихийное» начало, международные отношения, международное право.

УДК 327

Поступила в редакцию 28.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

«Сегодня мы знаем» – так называется ставшая известной монография Дж. Л. Гэддиса [7], посвящённая холодной войне. Большое видится на расстоянии. Чтобы понять, почему люди для решения конфликтов прибегают к «такому саморазрушительному способу, как война», нужно взглянуть на события XX в. со стороны с учётом исторического опыта и накопленных на сегодняшний день знаний. Можно полностью согласиться с У. Уолфортом в том, что корни настоящего нужно искать в прошедшем. Но не менее справедливо и обратное: попытки разобраться в сложном и чреватом опасностями настоящим помогают лучше понимать прошлое.

«Второе издание» холодной войны позволяет по-новому осмысливать происходящее. Новые подходы к изучению и пониманию международных отношений необходимо искать, т.к. прежние способы его постижения, кажется, уже не работают. Сегодня, а) к исследованию международных отношений мы всё чаще начинаем привлекать *цивилизационно-культурные* реалии, не ограничиваясь, как ранее, только экономическими, политическими и социальными; б) пытаемся нащупать под ногами хоть какую-то «твёрдую почву» мы, наконец, вспомнили «хорошо забытое старое»: геополитику, как постоянную и мало подверженную конъюнктурным колебаниям основу международных отношений. И, наконец, в) поступившись многими ранее непререкаемыми постулатами рационализма, мы постепенно, прямо или косвенно, начинаем признавать присутствие в истории некоего *иррационального начала*, которое воздействует на неё через элемент *случайности*.

Синергия хаоса или «природно-стихийное начало» в международных отношениях

Соглашаясь, в принципе, с тезисом У. Уолфорта об отсутствии в международных отношениях авторитета, способного понуждать «великие державы» действовать вопреки своим национальным интересам, вступать в союзы, соблюдать договоры и т.д., добавим: за одним исключением. Под ним мы понимаем *синергию хаоса, или «природно-стихийного начала», которое воздействует на Историю независимо от воли людей* [1, с. 19]. Таким образом, анархичность международных отношений своей обратной стороной всё же имеет некий предустановленный «порядок», глубинная сущность которого, правда, неподвластна нашему пониманию. Хорошей иллюстрацией этого является Первая мировая война, которая возникла вопреки всем «объективным» обстоятельствам, экономическим императивам, воле и намерениям тогдашних правителей Европы, умонастроениям простых людей, да и так называемому «здравому смыслу» вообще.

Значит ли это, что мы бессильны в изучении истории и все наши прогнозы обречены на провал? Нет, и практика доказывает нам это в тех случаях, когда элемент непредсказуемости в них компенсируется за счёт включения ранее

игнорируемых или слабо изученных материй, а именно – *геополитики и культуры*. От соотношения сил между ними зависит, в частности, соблюдение (или несоблюдение) такого важного международно-правового принципа, как *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). А это, в конечном счёте, определяет собой мирный или немирный путь решения того или иного конфликта, поскольку в отсутствие силы права всегда начинает действовать право силы.

Геополитика

С геополитикой всё более или менее ясно. *Сегодня мы знаем*, что в основе холодной войны лежала не столько идеология, сколько почти исключительно – геополитика, иначе нынешние отношения России и Запада не напоминали бы столь живо её «вторую фазу». Мало того. «Неразрывный», по У. Уолфорту, континуитет: «прошлое – настоящее – будущее» заставляет многих в наши дни вспоминать о «Большой игре» середины и конца XIX в. между Российской и Британской империями, как чуть ли не о первом «издании» холодной войны! [8]. Географию, наверное, можно время от времени игнорировать, но её нельзя «отменить». Исторические параллели сплошь и рядом подчёркивают незыблемость геополитических реалий и неизменность основанных на них интересов.

Культура

Культурные пласты международных отношений залегают глубже, но от этого они не менее важны. События последних лет всё больше заставляют нас воспринимать международное право уже не как одинаковую для всех *данность*, а в качестве особой *ценности*, обусловленной *цивилизационно-культурными, историческими, лингвистическими* факторами. Ведь уважение к международному праву, которого сегодня всем нам так не хватает – это, пожалуй, единственное, что может гарантировать его соблюдение государством в отсутствие внешнего принуждения. Уважение – залог соблюдения договоров порой даже в тех случаях, когда геополитика диктует иное. Мы далеки от идеалистического представления о том, что «миром движет мораль», но само понятие «авторитет государства» неизбежно включает в себя моральные императивы, иначе сегодня мы не рассуждали бы столь активно о «мягкой», «умной» и иной силе.

«Главная опасность в том, что нам неизвестны намерения нашего оппонента». И это верно. Добавим, к тому же, что нам неизвестен и замысел «*природно-стихийного начала*» в наших нынешних и будущих отношениях с оппонентом. Отсюда – отсутствие доверия, которое выводит на «дилемму безопасности», связанную с желанием, во что бы то ни стало, избежать рисков. Однако изучение постоянных величин, а кроме геополитических реалий такой является культура, если более конкретно – то *политическая и правовая* культура нашего оппонента (вещь столь же мало подверженная колебаниям, как и геополитика),

помогает не выходить на полный «ноль» в определении его текущих и будущих намерений. Это необходимо, чтобы в меру наших скромных сил и возможностей обеспечивать «мирное приспособление к изменению соотношения сил» в международных отношениях.

Право в разных культурно-исторических средах воспринимается по-разному. В силу того, что в англосаксонском мире укоренились принципы прецедентного «общего права», правосознание представителей этого мира определяется высоким уровнем прагматизма и нацеленностью на *достижение конкретного результата в кратчайшие по времени сроки*. Оно отличается от правосознания, сформированного «континентальным» правом [3], основаным на жёсткости кодифицированной нормы и сложности её изменения. Первыми об этом, кстати, заговорили специалисты по этике ведения бизнеса [4]. Остаётся только пожелать, чтобы и представители политических наук плотнее занялись этой темой.

Если не вдаваться в детали, то в правосознании народов, принадлежащих к континентальной системе, право, как, впрочем, и мораль, – это *должное* (т.е. то, что нужно делать), тогда как в правосознании, основанном на принципах «common law» – это *сущее* (т.е. то, что происходит «здесь и сейчас»). Отсюда и разница в сроках осуществления конкретного интереса, когда акцент в первом случае делается на *долгосрочных*, а во втором – на *краткосрочных* перспективах.

Российская (и советская) правовая культура, исторически питавшаяся от континентальных корней, обладает в то же время своей, ни с чем не сравнимой спецификой: её акцент на *мораль* и *справедливость* при известной доле скептицизма и даже, порой, нигилизма в отношении формальных норм, хорошо известна, а приоритет долгосрочного над краткосрочным во внешней политике и императорской России, и СССР, и так называемой «новой» России, порой просто зашкаливал. Вера в «святость» договора, в данное кем-то обещание или, наконец, даже просто в идею или в «честное слово» (!) почти всегда, за редкими исключениями, уводила её внешнюю политику с рельсов достижения конкретных прагматических целей на неизведанные пути поиска «справедливости для всех», «общечеловеческих интересов» и пр. Таким образом, *инструментальное* отношение к международному праву стран Запада (прежде всего, США и Великобритании, активнее всего представляющих его интересы) сплошь и рядом наталкивалось чуть ли не на *сакральное* отношение к нему со стороны России. Именно в этом, на наш взгляд, следует искать корни тех *когнитивных диссонансов* и того *системного непонимания*, которые периодически возникают между Россией и Западом по самым разным вопросам, когда «*uncertainty of intentions*» становится демиургом общения, а императивы геополитики берут верх над стремлением к «*risk aversion*».

Возвращаясь к истории, мы вполне могли бы предположить в этом случае, что даже И.В. Сталин при всём его прагматизме, возможно, настолько поверил в подписанный им пакт о ненападении, что сам отчасти стал заложником своей

веры и самым роковым образом пропустил момент нападения Германии на Советский Союз. Ведь, как свидетельствуют факты, и степень гитлеровской угрозы, подкреплявшаяся обильными разведанными, и сама идеология и политика нацистской Германии не должны были располагать его к такой «раслабленности». Но если полной уверенности в этом всё-таки быть не может, то вот вам поведение М.С. Горбачёва, который отказался потребовать от США и других стран Запада письменных гарантий нерасширения НАТО на Восток, потому что он, видите ли, «поверил им на слово»...

Российский реализм

Теория политического реализма, воспринятая сначала в СССР а потом в России (во всяком случае, хотя бы на словах) в качестве некоего «руководства к действию» в международных делах, на практике имела и имеет серьёзные отличия от своего североамериканского прототипа. Речь идёт о категории *справедливости*, которая, так или иначе, дополнила собой классическую реалистическую и неореалистическую парадигмы. «Не в силе Бог, а в правде!» – эту формулу вполне можно было бы считать основой особой, «русской» версии всем известной теории. При всех возможных в настоящем и будущем (и неоднократно проявлявшихся в прошлом) практических ипостасях этой «правды», подобная версия, на наш взгляд, максимально корреспондирует цивилизационному контенту нашей страны.

Что касается Запада, то его культурно-исторические реалии, прагматизм и акцент на краткосрочных интересах не позволил ему в своё время ни вовремя распознать агрессивные намерения Гитлера, ни создать антигитлеровскую коалицию совместно с СССР. Правильно оценив надвигающуюся угрозу, Советский Союз – следует отдать ему за это должное! – в 30-е гг. сам отказался от революционных догм (поиска «справедливости для всех») и перешёл на позиции защитника и гаранта правового порядка в Европе, проявив готовность к сотрудничеству с западными государствами на антифашистской основе [5, с. 206]. В 1933 г. СССР подписал Конвенцию об определении агрессии, в 1934 г. – вступил в Лигу Наций, а в 1935 г. VII Конгресс Коминтерна признал борьбу с фашизмом главной задачей мирового коммунистического движения. Наконец, в том же 1935 г., Советский Союз заключил пакты о взаимопомощи с Францией и Чехословакией.

К сожалению, в те же годы «наряду с идеологическими и геополитическими ярко проявились и цивилизационные противоречия между Россией (СССР) и коллективным Западом» [5, с. 207]. Почему правящие круги Великобритании и Франции столь долгое время видели в нацистской Германии «меньшее зло», чем в большевистской России? Не потому ли, что в цивилизационно-культурном, политико-правовом, историческом, лингвистическом аспектах *историческую Россию* они так до конца и не считали «Европой»? «Своими», исконно

«европейскими», для них были Германия и Австро-Венгрия. Отсюда – не только Мюнхенская конференция 1938 г., давшая Гитлеру «зелёный свет» на начало Второй мировой войны. Отсюда же (при всей условности исторических аналогий!) и поспешное признание Западом независимости Словении и Хорватии – частей бывшей Австро-Венгерской империи, которое положило начало кровавой гражданской войне в Югославии в 90-е гг. Здесь же следует искать и корни безусловной поддержки Западом киевского майдана, который был инициирован выходцами из бывшей когда-то австро-венгерской, а затем польской части Украины.

Сегодня можно привести массу примеров когнитивных диссонансов в отношениях между Западом и Россией, которые основаны на различиях в цивилизационно-культурной трактовке одной и той же правовой и политической реальности («скрытая модальность»). Возьмём хотя бы проблему «недобросовестной конкуренции», в которой российские лидеры часто упрекают Запад во главе с США («Северный поток – 2», торговля оружием и т.д.). В самом понятии «недобросовестная» уже изначально присутствует оппозиция «справедливо» – «несправедливо». Она часто употребляется в российском политическом дискурсе наряду, а иногда даже в ущерб понятию «сила», в том числе применительно к политическим контекстам (Сирия, Крым). В классической же теории политического реализма понятие «сила» не нуждается в дополнении «метафизическими» категориями. С точки зрения Запада «конкуренция» и в экономике, и в политике – это *только конкуренция*: она не может иметь морального измерения.

По словам У. Улфорта, «стремление одной стороны использовать намерение сотрудничать другой стороны только в своих интересах может привести к разрушительным последствиям». Уолфорт абсолютно прав. Приоритет краткосрочных интересов и стремление к максимизации политических выгод в кратчайшие сроки сослужили Западу в XX и начале XXI столетия плохую службу.

В сегодняшнем непредсказуемом и анархичном мире, который вступил в эру «глобального популизма» (термин Уолфорта), многие сожалеют о распаде СССР. Сам он, например, считает, что если бы не ряд ошибок во внутренней политике, то Советский Союз мог бы существовать и по сей день. Тогда можно было бы предположить, что и баланс сил в этом мире был бы совершенно иной, да и сам этот мир был бы более привычным и предсказуемым. Но ошибки, к сожалению, имели место не только во внутренней политике, но и во внешней и они носили обоюдный характер. Ответом на обращённые к США многократные призывы М.С. Горбачёва пройти, наконец, «свою часть пути» в утверждении «нового политического мышления» на планете, по сути дела, стали следующие слова президента Дж. Буша-старшего: «Наша задача не помогать ему, а так действовать в интересах США, чтобы влиять на его политику в нужном нам направлении» [2, с. 190].

Текущую напряжённую ситуацию в отношениях между Россией и Западом хочется видеть как переходную, в результате которой обе стороны научатся,

наконец, больше доверять друг другу путём поиска и нахождения разумных компромиссов. Для этого, как представляется, уже недостаточно того, что сама анархия в международных отношениях предлагает нам «набор инструментов – предложений и моделей для лучшего понимания закономерностей и правил поведения международных акторов». Если влияние анархии может быть ослаблено сознательными действиями государственных или негосударственных акторов, то тогда отнюдь не она, а *цивилизационно-культурные, исторические, лингвистические и правовые особенности* акторов становятся инструментом, который может обеспечить лучшее понимание международной реальности. В этом случае факт признания всеми сторонами *онтологического*, не подверженного силовому воздействию извне характера этих особенностей открывает, на наш взгляд, верный путь к нахождению компромиссов.

Истина, как ей и положено, находится где-то посередине. Для одних верным решением было бы перестать, наконец, считать международный договор простым «клочком бумаги», который можно с легкостью отбросить в случае любого изменения внутри- или внешнеполитической конъюнктуры. Другим же следует избегать другой крайности: считать любое международное обязательство чем-то вроде «священной коровы», в угоду которой стоит приносить в жертву важные государственные интересы (сегодня, например, это особенно актуально в связи с проблемой мирного договора с Японией).

Волновой характер исторического процесса

Волновой характер исторического процесса, в основе которого лежит воля *природно-стихийного начала*, реализуемая через поступки людей, в наши дни стал особо заметен. На смену первичной глобализации кануна Первой мировой войны пришла волна национальных и националистических движений, приведших человечество к ужасам Второй. Новый этап универсализации, который начался в послевоенный период, имел ярко выраженный конкурентный характер. Спор в годы холодной войны шёл не столько между СССР и США, сколько между двумя – американской и советской – *ценностными* моделями универсализма. Наступившая (или наступающая) «эра глобального популизма», похоже, знаменует собой откат общей волны глобализации, которая охватила планету после краха «реального социализма».

Подозреваю, что под словом «популизм» У. Уолфорт подразумевает «национализм», который, действительно, вновь поднимает голову в современном мире. Как справится с его набегавшей волной? Думается, что это можно сделать лишь правильно извлекая уроки из прошлого с учётом тех методов постижения новых международных реалий, о которых говорилось выше. По мнению Бернарда Яка, сегодняшний национализм «требует не оставления других наших идеологических ориентиров, а их подстройки.... он черпает свою силу из сочетания лояльности по отношению к тем, с кем у нас общее культурное наследие,

и рессентимента против тех, кто, по нашему мнению, *навязывает* (курсив мой – Б.М.) нашим национальным сообществам ценности и институты» [6, с. 217].

«Конца истории» так и не состоялось. Мир вступает в эпоху, когда нематериальные – информационные, ценностные, религиозные, культурные, лингвистические и пр. факторы начинают играть доминирующую роль. Уважение к национальным культурам и моделям развития без попыток «осчастливливать» кого-то насильно становится залогом мира и сотрудничества между представителями различных цивилизационно-культурных архетипов, которые существуют на нашей планете. Возможно, что в будущем её ждёт новая волна глобализации, качественные характеристики которой остаются пока в ведении *природно-стихийного начала*.

Список литературы:

1. Барановский В.Г., Богатуров А.Д. (ред.) Современные глобальные проблемы. М.: Аспект Пресс, 2010. 350 с.
2. Громыко Анат. В лабиринтах Кремля. М.: ИПО «Автор» 1997. 256с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. М.: «Международные отношения», 2009. 456 с.
4. Льюис Р. Столкновение культур. М., «Манн, Иванов и Фарбер», 2013. 640 с.
5. Мартынов Б.Ф. (ред.) Великая русская революция: столетие спустя. М.: «МГИМО-Университет», 2018. 305 с.
6. Як Б. Национализм и моральная психология общества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 516 с.
7. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Clarendon Press, 1998. 448 p.
8. Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in Central Asia. London: John Murray, 2006. 562 p.

Об авторах:

Борис Фёдорович Мартынов – д.полит.н., заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д.76, Россия.
E-mail: bfmartynoff@gmail.com.

CHAOS SYNERGY, GEOPOLITICS AND CULTURE EXPLAIN HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS. A CRITIQUE OF WILLIAM WOHLFORTH

B.F. Martynov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-1-64-19-28

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The article is a critique of William Wohlforth's piece on usefulness of IR theory in explaining the history of international relations published in this issue of *MGIMO Review of International Relations*. It offers an alternative answer to the key question raised by Wohlforth – why humans continue to resort to such a self-destructive method of conflict resolution as war. The author argues that the current aggravation of relations between Russia and the West helps find a new way of answering this eternal question. With the help of historical examples and logical reasoning the author shows that international relations are governed not so much by structural anarchy, as Wohlforth argues, as by «natural spontaneous systemic force», which does not depend on the will of people and manifests itself in events that seem random and irrational. This force can be rationally known by studying how classical geopolitics, cultural (especially legal culture) and civilizational factors influence international relations. These aspects, according to the author, explain both the Cold War and its on-going «second edition». Taking into account civilizational, cultural, historical, linguistic and legal characteristics of actors becomes the key to an adequate understanding of international politics. It should also be noted that cultural and civilizational features affect not only the practice of international relations, but also the IR. According to the author, the theory of political realism in Russia has been reinterpreted in light of the maxim: «God is not in power, but in truth». Thus, an important category of Russian realism turns out to be «justice». The alternative answer to the question about the recurrent practice of wars in international relations can be formulated as follows: the states are sometimes forced to fight each other due to their geopolitical contradictions complicated by cultural and civilizational differences.

Key words: Realism, cold war, geopolitics, culture, "natural" origin, international relations, international law.

References

1. Baranovsky V.G., Bogaturov A.D. (Ed.) *Sovremennyye global'nyye problemy* [Modern global problems]. Moscow: Aspect Press, 2010. 350 p.
2. Gromyko A. *V labirintakh Kremlya* [In the labyrinth of the Kremlin]. Moscow: Author Publ. 1997. 256 p.
3. David R., Joffre-Spinozi, K. *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [The main legal systems of modern times]. Moscow: International Relations Publ., 2009. 456 p.
4. Lewis R. *Stolknoveniye kul'tur* [The Clash of Cultures]. Moscow, Mann, Ivanov and Farber Publ., 2013. 640 p.
5. Martynov B.F. (ed.) *Velikaya russkaya revolyutsiya: stoletiyе spustya* [The Great Russian Revolution: A Century Later]. Moscow: MGIMO-University, 2018. 305 p.
6. Yak B. *Natsionalizm i moral'naya psikhologiya obshchestva* [Nationalism and moral psychology of society]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 516 p.

About the author:

Boris F. Martynov – Doctor of Political Science, Head of Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: bfmartynoff@gmail.com.